

Но в сочинениях Зиновия Отенского можно обнаружить и мотивы, казалось бы, неподдельного сочувствия к народным нуждам. Возвращаясь к Похвальному слову Ионе, мы читаем строки, осуждающие «владушних», которые не желают «не разумевати убожества, ни разсужати обнищание, ни самыя смерти вменяти».³⁵ Зиновий пишет, что бог «от мысли владушних и суд и правду сотре и милость и щедроты потреби, принуди же на подвластных истязовати множайшая дани».³⁶ Зиновий Отенский пишет о «владушних»: «празни же не о сем упражняхуся еже творити суд и правду и любити милость и щедроты» — и грозно: «несть бо кто възбраняя им таковому злу, нимстя на них таковое губительство и сия лютая множашеся, умножевахуся в нас с неправедными суды».³⁷

В год народного бедствия — голода, когда погибали многие тысячи людей, «милосердие кое, — спрашивает Зиновий Отенский, — правитилие земстии показаша на них, запустением сих хотяще умножити ризница, налагающе дань к дани за опустевшая села на оставших и еще истязаваху, аки паче бога могущее и сильнее создателя прящесе быти?».³⁸ Свои обличения в адрес «владушних» и земских правителей Зиновий смягчает ссылкой на то, что притеснения, эксплуатация, «губительство» есть не что иное, как наказание божие, ниспосланное за грехи самих же «подвластных». Таким же наказанием за грехи Зиновий объявляет мор, постигший страну.

Государев дьяк Яков Васильевич Шишкин, как показывает публикуемое Послание к нему, уже рассматривается Зиновием Отенским в качестве одного из конкретных носителей зла, тех «владушних» и земских правителей, которым он впоследствии посвятит гневные строки в Похвальном слове Ионе.

Мы читаем в Послании: «Здесь, государь, говорят про тебя многия люди, что ездить в государеву полату поздно, а до тебя дела не делают у вас в полате никоторова, а людям то истомно, что ждут долго, а суд засудишь, государь, и ты-де долго по судному делу указу не чинишь и исцом в то время управы нет и в волоките проедаютца и не промышляют и ремесло залегае, и о том люди тужат» (л. 197). Зиновий защищает интересы «владомых»: «и что того горчая: судия в дому своем во всяком покои наслаждаетца ествы и пития без печали в своем доволном богатстве и спит доволно, а бедный истец, пришед в чюже место, дом свой и семью и промыслом своим оставив, проедаетца управы ищучи, всегда недоел, не выспался и сердце его кровию кипит, и тому же управы нет вскоре и волокита бедному. Вижу, государь, прямая речь — сыт голодному не разумеет» (л. 201 об.).

Обличительный пафос Зиновия заметно повышен в Похвальном слове Ионе, если сравнивать его с Посланием Я. В. Шишкину. Это связано с тем, что позднейшие обличения Зиновия не имеют конкретного адреса. Но и в Похвальном слове Ионе Зиновий, как это отметил еще Ф. Калугин, не преминул предупредить, что высказанное им осуждение «владушних» и земских правителей не направлено ни против кого персонально.

«Народолюбие» Зиновия отчасти (но только отчасти) может быть связано с реминисценциями той поры, когда он близок был к Максиму Греку и, возможно, другим нестяжателям его круга. Пиетет к личности Максима Грека Зиновий пронес сквозь всю жизнь, и на склоне лет, когда ему пришлось сказать посетившим его клирошанам о неудачной замене Максимом

³⁵ Ф. Калугин. Зиновий, иннок Отенский... Приложения, стр. 20.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, стр. 21.

³⁸ Там же, стр. 22.